

ВЛАДИМИРСКИЙ ПОЛИХРОН И НОВГОРОДСКО-СОФИЙСКИЙ СВОД

В нашей статье мы обратимся к проблеме так называемого Владимирского Полихрона. До настоящего времени вопрос о самом существовании Владимирского Полихрона считается открытым, и в современных исследованиях есть ссылки на этот памятник как на вполне реально существовавший¹.

Для понимания того, что такое Владимирский Полихрон и каково его место в системе русского летописания, проанализируем начиная с А. А. Шахматова высказываемые в историографии точки зрения о Владимирском Полихроне, при этом обращая внимание на несколько позиций:

1. Что понимал А. А. Шахматов под Владимирским Полихроном, и что на самом деле реально мог представлять собой текст памятника с таким названием.

2. По каким источникам, дошедшим до нас, теоретически можно было бы реконструировать текст Владимирского Полихрона.

3. Насколько вообще возможно существование митрополичьего общерусского свода времени Фотия.

4. Как можно соотнести два гипотетических свода, открытых А. А. Шахматовым, — Владимирский Полихрон и Новгородско-Софийский свод.

Само название «Владимирский Полихрон» было почерпнуто А. А. Шахматовым из текста Тверского сборника (далее — Тв. сб.). Первоначально Тв. сб. виделся А. А. Шахматову состоящим из двух частей: до 1255 г. и после. В первой части летописного текста был помещен свод 1534 г. При этом при составлении свода 1534 г. использовались Львовская летопись и первая редакция Софийской 1 летописи (списки Оболенского и Карамзина). Вторая часть, по мнению исследователя, состояла из ростовского свода 1419 г. и летописца княжения Тверского, использованного также в первой части свода 1534 г.² Однако скоро эта точка зрения у А. А. Шахматова претерпела существенную корректировку. В другой работе, вышедшей вскоре, впервые появляется мысль о существовании некоего общего протографа, лежащего в основании многих летописей XV—XVI в. и общерусского по своим тенденциям Владимирского Полихрона³. При этом Полихрон был, по мнению исследователя, митрополичьей летописью, созданной при Фотии и оканчивающейся 1423 г. Вот как составление Владимирского Полихрона виделось А. А. Шахматову: «В 1423 году появился новый извод общерусского свода: составлен он был при дворе митрополита Фотия; по его распоряжению в Москве сосредоточилось весьма значительное число летописцев, присланных из разных монастырей и церквей»⁴. Названия общерусского свода 1423 г., исследователь нашел во второй части Тв. сб., в Предисловии летописца княжения Тверского: «В этой-то части предисловия мы и находим ссылку на три источника: Русский хронограф по великому изложению... Владимирский полихрон и первый летописец. Мне кажется, Русским хронографом по великому изложению мог быть назван только общерусский свод в его полной, в противоположность сокращенной (по краткому изложению), редакции, но тот же памятник, разумеется, очевидно, и назван Володимирским полихроном...»⁵. Идею А. А. Шахматова развил М. Д. Приселков.

¹ См., например: Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. СПб., 2001. С. 158.

² Шахматов А. А. Разбор сочинения И. А. Тихомирова «Обозрение летописных сводов Руси Северо-Восточной» // Записки Императорской АН по историко-филологическому отделению. СПб., 1899. Т. IV. № 2. Ч. III. С. 102–129.

³ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков // ЖМНП. 1900. Ч. 332. № 9. Отд. 2. С. 135–200.

⁴ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. XLIX.

⁵ Шахматов А. А. Общерусские летописные своды XIV и XV веков. С. 176.

Исследователь внес, правда, два существенных дополнения. Во-первых, датировка Полихрона была отнесена не 1423 г., а к 1418 г. Во-вторых, Полихрон у М. Д. Приселкова был четко назван «Фотиевым», и впоследствии это название закрепилось в историографии.

Попробуем критически взглянуть на название митрополичьего свода и приведем с некоторыми сокращениями ту фразу из Тв. сб., на основании которой ученый сделал столь важный вывод: «Мы же елико многа безъ лѣности речеми зряще Рускаго гранографа по великому изложению предръжаща... Доздѣ пишуцу уставихомъ ис прѣваго лѣтописца въображающе, якоже Володимирскій Полихронъ степенемъ приведе явѣ указуетъ, и пречестнѣйша сего въ князехъ являетъ, словуше имя Михаила Александровича, зань низмѣновахъ родове отъ престола, каждо сынове въсприемлюще и владыку землею Рускою отъ православнаго Владимира»⁶. Наблюдение А. А. Шахматова любопытно тем, что исследователь фактически отождествил Хронограф по великому изложению (далее — ХВИ) и Владимирский Полихрон. Между тем ХВИ — памятник, хорошо известный в древнерусской литературе. Это один из самых ранних хронографических источников, в основе которого лежит Хроника Георгия Амартола, отразившийся уже в самых ранних этапах русских летописях XI в. Очевидно, А. А. Шахматов еще не мог о нем знать, так как впервые на упоминание ХВИ в Полной Хронографической Палее обратил внимание В. М. Истрин в 1907 г.⁷ При этом сомнительно, что составитель Тв. сб. дважды упомянул в небольшом фрагменте текста летописи один и тот же памятник, но под разными названиями. Действительно, в начальной части Тв. сб. есть ссылка на некий хронограф, и в этой же части помещены известия о всемирной истории хронографического типа. Поэтому ХВИ, упомянутый в Тв. сб., явно не мог быть общерусской летописью. Вся сложность заключается в том, что хотя в Тв. сб. есть неоднократные ссылки на источники — летописцы, хронографы, в тексте явно не случайно выделен источник, названный не Владимирским летописцем или хронографом, а именно Полихроном, т. е., очевидно, имеющим принципиально иную структуру, чем обычный летописный текст или хронограф. Для того чтобы определить, какого типа это мог быть источник, вернемся к контексту, в котором упомянут Владимирский Полихрон, и при этом обратим внимание на несколько моментов. Во-первых, упоминание Владимирского Полихрона читается не в какой-то летописной статье, а в предисловии летописца, в котором говорится о Тверских князьях. Летописец явно упоминает Полихрон как источник прославления тверского князя Михаила Александровича. В митрополичьем своде подобный интерес к тверскому князю был бы просто неуместен. Во-вторых, летописец четко говорит о степенях, на которые был разбит Полихрон: «Якоже Володимирскій полихронъ степенемъ приведе явѣ указуетъ». Подобного рода структура соответствует тексту Степенной книги, составленной в середине XVI в. Если мы примем эту гипотезу, то станет понятно, почему Полихрон назван Владимирским, т. е. ведущим свое изложение от киевского князя Владимира Святого, отсюда неслучайно упоминание дальше в тексте «православнаго Владимира». В Степенной книге систематическое изложение истории по «степеням» как раз ведется от святого князя Владимира, которому посвящена I степень. Возможен, впрочем, и другой вариант, что Владимирский Полихрон был просто родословной росписью тверских князей, также разбитой на степени. Так или иначе, судя по названию, Владимирский Полихрон вряд ли представлял собой обычный летописный или хронографический текст. На это обратил внимание еще в начале XX в. исследователь Н. С. Державин, посчитав Владимирский Полихрон одной из редакций Степенной книги, составленной при митрополите Фотии⁸. Что касается второй части

⁶ ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15. Стб. 464–465.

⁷ Более подробно о Хронографе по великому изложению см.: Творогов О. В. Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 46–73.

⁸ Державин Н. С. «Степенная книга», как литературный памятник. Опыт исследования литературного состава «Степенной книги» Г. Миллера. Батум, 1902. С. 23–24.

названия «Полихрон», то здесь еще больше непонятого. Составители словарей древнерусского языка давали ссылку, приводя это слово по тому же Тв. сб. Так, в словаре И. И. Срезневского это слово есть, но со ссылкой только на Тв. сб.⁹ Ту же картину мы наблюдаем и в Словаре русского языка XI–XVII вв.¹⁰ Теоретически это слово могло быть известно древнерусскому книжнику прежде всего как название монастыря, в котором был игуменом Мефодий, брат Кирилла — создателя славянской азбуки. Название этого монастыря есть в Житии Мефодия, известном на Руси¹¹. Возможен вариант и искажения имени Полихрония, составившего свои комментарии к книге Иова и упомянутого у Олимпиодора Александрийского. В древнерусском тексте можно встретить такую фразу в заглавии перевода толкований: «Книги гл(агол)емыя Иовъ сице Полухронъ гл(агол)еть, толкован(и)е гл(а)въ о Иове»¹². Впрочем, и в том и другом случае это не имеет никакого отношения к летописным текстам и не приближает нас к решению проблемы так называемого Полихрона.

Таким образом, хотя логика составителя Тв. сб. не ясна, очевидно другое — скорее всего это не самоназвание источника, а произвольное название, данное самим составителем Тв. сб. По крайней мере, можно сделать вывод, что контекст упоминания Владимирского Полихрона не позволяет видеть в нем некий общерусский текст, тем более митрополичьего происхождения.

Обратимся теперь к источникам, по которым А. А. Шахматов пытался реконструировать Владимирский Полихрон. Для этого были привлечены целый ряд летописных текстов среди которых оказались летописи XV и XVI в. — Софийская 1 летопись (далее — С1), Новгородская 4 летопись (далее — Н4), Ермолинская летопись (далее — Ерм.), Московский свод 1479 г. (далее — МС), Русский Хронограф (далее — РХр.), Львовская (далее — Льв.), Воскресенская (далее — Вскр.), Никоновская летописи (далее — Ник.), Тв. сб. По поводу датировки митрополичьего свода исследователь отмечал: «Здесь не место выяснять, почему мы относим составление Полихрона к 1423 г.; но косвенным указанием на этот год может служить то обстоятельство, что воспользовавшийся им сводчик 1448 г. довел летописные известия только до 18 августа 1422 г. (иначе до последнего месяца 6930 г.), откуда следует, что и Полихрон доходил именно до этого года (а может, и до этого именно известия — пожара 18 августа)»¹³. Обратим внимание, что за окончание Полихрона было взято известие из Младшей редакции С1. Как нам удалось показать, это ошибка именно Младшей редакции и известие о пожаре 18 августа должно читаться в их общем протографе, как и в Старшей редакции С1 под 1418 г.¹⁴ Последователь А. А. Шахматова М. Д. Приселков уже сузил источники для реконструкции Владимирского (Фотиева) Полихрона. По мнению исследователя, ими были летописи новгородско-софийской группы (С1, Н4 и НК), РХр. и Ростовская владычная летопись (которая отразилась в Ерм.)¹⁵. Отметим известный парадокс: называя гипотетический источник вслед за А. А. Шахматовым Полихроном, М. Д. Приселков реконструирует этот свод по новгородско-софийским летописям, оставляя в стороне собственно Тв. сб., откуда первоначально это название и было извлечено. Восстанавливая текст Полихрона, М. Д. Приселков в основном опирался на С1 и Н4, поэтому он и передатировал его окончание 1418 г., поскольку именно этим годом заканчивается совпадение между С1 и Н4. Для исследователя фактически Фотиев Полихрон был промежуточным звеном между сводом 1408 г. (Троицкой летописью (далее — Тр.)) и сводом 1448 г. (Новгородско-Софийским). Логично

⁹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1895. Т. 2. Вып. I. Стб. 1127–1128.

¹⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1990. Вып. 16. С. 218.

¹¹ Житие Мефодия // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 2. С. 72.

¹² РНБ. Погодинское собр. № 79. Л. 1.

¹³ Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938. С. 157.

¹⁴ Шибавев М. А. Младшая редакция Софийской 1 летописи и проблема реконструкции истории летописного текста XV века // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. СПб., 2001. Вып. 4. С. 370–373.

¹⁵ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 204–209.

М. Д. Приселкова можно понять, поскольку действительно текст Тв. сб. по своему характеру и направленности очень мало напоминает отразившийся там митрополичий свод. Со своей стороны другой последователь А. А. Шахматова А. Н. Насонов также уменьшил количество летописных источников, по которым можно было бы реконструировать Владимирский Полихрон. Признавая существование Владимирского Полихрона и датируя его 1423 г., исследователь отверг, тем не менее, возможность прямого влияния этого гипотетического свода на Ерм. и МС¹⁶. Поэтому, фактически говоря о своде 1423 г., А. Н. Насонов отмечал, что он дошел до нас в значительных фрагментах в составе Н4 и С1¹⁷. Источники Вскр. и Ник. рассмотрены Б. М. Клоссом, который также выявил реальные предшественники этих летописей без привлечения свода 1423 г.¹⁸ Правда, как отметил Я. С. Лурье, в Ник. действительно обнаруживается источник, посвященный Фотию¹⁹, однако эта тема заслуживает специального рассмотрения и не относится напрямую к нашему исследованию. Также усилиями Б. М. Клосса и О. В. Творогова было доказано, что русские статьи РХр. восходят не к гипотетическому Владимирскому Полихрону, а к Сокращенному своду конца XV в. и протографу Симеоновской летописи²⁰. Вопрос об источниках Льв. подробно рассмотрен Я. С. Лурье, который не привел данных в пользу существования у этой летописи источника типа свода 1423 г.²¹ Именно в работах Я. С. Лурье выдвинуты серьезные аргументы вообще против существования Владимирского Полихрона в том виде, как он представлялся А. А. Шахматову. Опираясь на работы А. Н. Насонова о Ерм. и Б. М. Клосса и О. В. Творогова о РХр., Я. С. Лурье убедительно показал, что эти тексты не могут служить основанием для реконструкции Владимирского Полихрона и отражают уже более позднюю летописную традицию²². Также исследователь высказал предположение, что Владимирский Полихрон был не митрополичьим, а тверским великокняжеским сводом, подкрепляющим претензии Михаила Александровича на владимирский престол²³.

Итак, фактически в современной историографии упоминаются только несколько источников, по которым возможна реконструкция Владимирского Полихрона, — это летописи новгородско-софийской группы (С1, Н4, а также Новгородская Карамзинская летопись (далее — НК)). Именно на основании этих источников А. А. Шахматов реконструировал их общий протограф — свод 1448 г. Впоследствии исследователь пересмотрел датировку свода, но не сам факт его существования, и при этом им было дано новое название этого гипотетического текста — Новгородско-Софийский свод, который был следующим этапом митрополичьего летописания и опирался на Фотиев Полихрон. Но сам по себе вопрос о митрополичьем происхождении Новгородско-Софийского свода не подвергался сомнению начиная с А. А. Шахматова. В современной историографии, однако, существует несколько точек зрения относительно составления Новгородско-Софийского свода. Г. М. Прохоров отрицает возможность существования свода. Исследователь предложил для решения вопроса о близости Н4, НК и С1 вообще отказаться от гипотезы общего протографа и решать текстологическую проблему в рамках существующих и дошедших до нас текстов. При этом ключевым для Г. М. Прохорова стал текст НК. Особенность НК (текст этой летописи дошел

¹⁶ Насонов А. Н. История русского летописания XI — нач. XVIII в. М., 1969. С. 268—274.

¹⁷ Там же. С. 248 и 278.

¹⁸ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 24—43, 134—189; Его же. Список Царского Софийской 1 летописи и его отношение к Воскресенской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 25—37.

¹⁹ Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. СПб., 1993. С. 115.

²⁰ Клосс Б. М. О времени создания русского Хронографа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 246—255; Творогов О. В. Древнерусские хронографы. С. 160—207.

²¹ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976. С. 210—240.

²² Там же. С. 70—71.

²³ Там же. С. 53.

в единственном списке конца XV в.) заключается в том, что летопись в кодексе расположена в виде двух текстов, или подборок (как их называет Г. М. Прохоров)²⁴, следующих друг за другом. Первая подборка (далее — НК1) содержит текст от самого начала, включая ПВЛ, и доходит до 1411 г. Вторая подборка (далее — НК2) — от 988 до 1428 г. включительно. Еще А. А. Шахматовым было замечено, что если последовательно соединить годовые статьи обеих подборок, то получится текст, очень схожий и даже в некоторых местах первичный по отношению к Н4. Г. М. Прохоров предположил, что НК есть не результат попытки «разрезать» Н4, а, наоборот, протограф Н4 представлял собой как раз текст, первоначально существовавший в виде двух подборок и впоследствии соединенный в единую летопись. По мнению Г. М. Прохорова, сначала был создан текст, являющийся сейчас Первой подборкой Новгородской Карамзинской летописи (НК1). Этот текст включал в себя ПВЛ и представлял собой соединение летописи типа Новгородской 1 (далее — Н1) и центральнорусского источника типа Лаврентьевской летописи (далее — Лавр.) и Тр. и доходил до 1411 г. Затем на его основе был создан другой летописный текст, который был дополнен и сверен по тем же источникам, что и НК1, — так получилась С1. После этого в Новгороде НК1 и С1 были сличены между собой, и дополнения, внесенные в С1 по отношению к НК1, были выписаны, и к ним добавлены известия снова по центральнорусской летописи (типа Тр.) и новгородской (типа Н1) — так возникла НК2. В специально посвященной этой проблеме статье нами были предложены аргументы против этой точки зрения, и мы не будем подробно на этом останавливаться, отметив только: мы продолжаем считать, что в основе С1, Н4 и НК лежит общий протограф — Новгородско-Софийский свод²⁵. В работах А. Г. Боброва была поддержана точка зрения Г. М. Прохорова о том, что не существовало общего протографа Н4–НК и С1. Отличием концепции А. Г. Боброва является то, что НК2 непосредственно не восходил к С1, а у них был общий протограф — Свод 1418 г. Таким образом, вместо Новгородско-Софийского свода исследователь предлагает ввести в схему русского летописания уже хорошо нам известный «Летописный свод митрополита Фотия», датируемый 1418–1419 г.²⁶ Аналогичную мысль, что свод митрополита Фотия был общим источником С1 и Н4, находим и у Б. М. Клосса²⁷.

Итак, несмотря на существенные дополнения и даже изменения в схеме летописания, предложенной А. А. Шахматовым, в историографии ключевым звеном для первой половины XV в. по-прежнему считается некий митрополичий свод, созданный при Фотии. Важным признаком митрополичьего происхождения является, по мнению многих исследователей, наличие в тексте соединения нескольких источников, что как бы свидетельствует об идее общерусской интеграции. Так, в исследовании А. А. Шахматова мы находим мысль, которая рефреном проходит практически во всех работах его учеников и последователей: «Соединение местных летописей в одно целое было делом составителей общерусских летописных сводов, а ведение таковых естественнее всего приписать заботам митрополитов, прямым и в известное время и единственным носителям идеи общерусского единства»²⁸. Эта мысль исследователя органически встраивалась в концепцию митрополичьего «суперсвода», соединившего в себе общерусские источники, и именно таким себе представлял А. А. Шахматов составление митрополичьего свода 1423 г. (Владимирского Полихрона). М. Д. Приселков вслед за своим учителем также отмечал беспристрастие свода 1418 г. (Фотиева Полихрона) к соперничеству русских князей, отказ от поучений современных ему

²⁴ Прохоров Г. М. Летописные подборки ГПБ, F.IV.603 и проблема сводного общерусского летописания // ТОДРА. Л., 1977. Т. 32. С. 165.

²⁵ Более подробное обоснование этой точки зрения см. в нашей статье: Шибяев М. А. Редакторские приемы составителя Софийской 1 летописи // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность: Редактор и текст. СПб., 2000. Вып. 3. С. 368–394.

²⁶ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 128–160.

²⁷ Клосс Б. М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 110.

²⁸ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 157.

правителей и пришел к выводу о несомненном митрополичьем происхождении свода²⁹. Я. С. Лурье хотя и отвергал возможность существования Владимирского Полихрона, тем не менее, идею о митрополичьем происхождении перенес на Новгородско-Софийский свод. Исследователь привел ряд примеров, свидетельствующих, как ему представлялось, о митрополичьем происхождении протографа С1 и Н4. Например, в доказательство митрополичьего происхождения свода Я. С. Лурье указал на статью 6901 (1393) г. о примирении новгородцев и псковичей при участии митрополита³⁰. Однако обращает на себя внимание отсутствие упоминания даже имени митрополита (речь, вероятно, идет о Киприане), что для митрополичьей летописи было бы странно. Другой темой, свидетельствующей о митрополичьем происхождении Новгородско-Софийского свода, по мнению Я. С. Лурье, является идея осуждения межкняжеских войн, чему он привел ряд доказательств. Прежде всего, отметим, идея осуждения княжеских междоусобных войн — одна из основных идей всего русского летописания, независимо от того, когда и в каких условиях создавался летописный текст. Так, один из наиболее ярких примеров призыва к прекращению междоусобных браней первоначально читался в Тр. под 6778 (1270) г. в связи с известием об убиении князя Романа Рязанского³¹. И только затем, судя по С1, этот рассказ оказался в Новгородско-Софийском своде³². Между тем Тр. хотя и сочувственно относилась к митрополиту Киприану, тем не менее создана, вероятно, не при митрополичьей кафедре, а в Троице-Сергиевом монастыре³³. Кроме того, как показано в работе В. А. Кучкина, Тр. была создана не ранее 20-х годов XV в.³⁴, т. е. гораздо позднее кончины Киприана.

Также Я. С. Лурье отметил, что с 6909 (1401) по 6916 (1408) г. общий текст С1–Н4 решительно расходится с Новгородской 1 совпадая с Троицкой³⁵. Это, по мнению Я. С. Лурье, свидетельствует, что Новгородско-Софийский свод по своему характеру и тенденциям был не новгородским, а общерусским летописным сводом³⁶. Этот тезис нам представляется совершенно необъяснимым. На самом деле, фактически в каждой годовой статье свода, если его реконструировать по С1³⁷, встречаются новгородские известия, близкие к Н1 Младшего извода (далее — Н1Мл.). Это относится и к промежутку, указанному Я. С. Лурье (6909 (1401) — 6916 (1408) г.). Если обратиться к постатейной росписи годовых статей, приведенной Г. М. Прохоровым³⁸, то наглядно видно, что с начала XV в. и до последнего общего известия С1 и Н4–НК под 6926 (1418) г. новгородские известия присутствуют почти в каждой годовой статье и общерусские известия их не вытесняют. После статьи 6916 (1408) г. можно наблюдать аналогичную картину, причем с преобладанием новгородского материала, поскольку большая часть общих известий Н4–НК–С1 читается в Н1Мл. Складывается впечатление, что после этой годовой статьи у составителя Новгородско-Софийского свода не было под рукой центральнойрусской летописи, где в каждой

²⁹ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. С. 209.

³⁰ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 107.

³¹ Там же. С. 75–76. См.: ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18. С. 73. Прим. 1; Приселков М. Д. Троицкая летопись (реконструкция текста). СПб., 2002. С. 330. Прим. 3. Н. М. Карамзин отметил, что данное рассуждение есть в Тр. В силу того что в этом месте Лавр. лагуна, весьма сложно предположить, принадлежит ли данный фрагмент составителю Тр. или же восходит к более раннему источнику.

³² В НК–Н4 этот призыв читается в рассказе об убиении Василька Константиновича под 6746 (1238) г.

³³ Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1: Житие Сергия Радонежского. С. 100–107, 241–255.

³⁴ Кучкин В. А. О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem. У источника. Сб. статей в честь Сергея Михайловича Каштанова. М., 2005. С. 237–242.

³⁵ Лурье Я. С. Общерусские летописи XIV–XV вв. С. 107.

³⁶ Там же.

³⁷ В НК–Н4 новгородских известий за этот период еще больше, но в данном случае это могут быть вторичные дополнения по новгородскому источнику.

³⁸ Прохоров Г. М. Материалы постатейного анализа общерусских летописных сводов (Подборки Карамзинской рукописи, Софийская 1, Новгородская 4 и Новгородская 5 летописи) // ТОДРЛ. СПб., 1999. Т. 51. С. 197–201.

годовой статье имелись бы обширные известия, и опираться в основном пришлось на новгородскую летопись типа Н1Мл., что было бы странно для общерусской митрополичьей летописи. Что касается митрополичьего влияния, то и здесь можно оспорить логику предыдущих исследований. Идея об объективности митрополичьего летописания плохо соотносится с той позицией, которую занимали митрополиты по отношению к московским князьям. Начиная с митрополита Петра иерархи русской церкви неизменно почти при всех конфликтах занимали промосковскую позицию. Исключение составляет только митрополит Киприан, у которого были очень сложные отношения с Дмитрием Донским, однако и они нормализовались при сыне Дмитрия Василии I. Поэтому ожидать от митрополичьего летописания объективной и как бы отстраненной позиции осуждения межкняжеских усобиц, в которых активное участие принимали и московские князья, было не очень логично. В работе А. Г. Боброва также приводятся доводы в пользу существования Фотиева Полихрона. При этом существенно новые факты в пользу именно митрополичьего происхождения свода не были указаны. В качестве аргумента было лишь приведено представление о своде, во многом восходящее к шахматовскому видению составления летописных текстов: «Общерусский летописный свод, создатель которого стремился к тому, чтобы стать выше границ между княжествами, скорее всего, мог быть создан в конце 10-х годов XV в., около 1418–1419 г., при митрополичьей кафедре в Москве»³⁹. На наш взгляд, может быть оспорена и логическая связка о составлении митрополичьего свода, выдвинутая А. Г. Бобровым, заключающаяся в том, что близость некоторых повестей в С1–Н4–НК к произведениям Епифания Премудрого плюс выполнение Епифанием литературных заказов Фотия означает, что Епифаний был автором свода 1418 г. К сожалению, все, что мы знаем о Епифании как авторе агиографических произведений, посвященных Сергию Радонежскому и Стефану Пермскому, не подтверждает возможности его участия в составлении протографа С1–Н4–НК. В случае авторства Епифания было бы логично ожидать особо пристального внимания автора свода к преподобным Сергию и Стефану, однако именно к этим историческим персонажам в летописных текстах С1–Н4–НК не проявлено большого интереса (в отличие, например, от Тр.). При этом Сергей в С1–Н4–НК представлен не как святой, прославившийся своей скромностью, кротостью и смирением, а как политический деятель, тесно связанный с Дмитрием Донским. Так, троицкий игумен в С1–Н4–НК первый раз упоминается под 6873 г. при описании событий затворения церквей в Нижнем Новгороде по поручению Дмитрия Донского⁴⁰. Затем Сергей фигурирует в статье под 6888 г. как автор грамоты Дмитрию Донскому, присланной перед Куликовской битвой, а также под 6897 г. среди прибывших на похороны Дмитрия Донского. Стефан Пермский упомянут в Н4–НК вообще только один раз под 6894 г. в связи приездом в Новгород (в С1 известия нет, и, скорее всего, это известие новгородское по происхождению). При этом летописи С1–Н4–НК не знают даты кончин обоих преподобных. Не может считаться доказанным и тезис о близости Епифания и Фотия. Некоторые стилистические совпадения агиографических памятников, вышедших из-под пера Епифания, и ряда произведений из Новгородско-Софийского свода еще не указывают на авторство Епифания по отношению ко всему своду. Эта близость может быть объяснена и подражанием Епифанию, и использованием его произведений книжниками более позднего времени.

Однако остается единственный шанс найти связь между митрополитом Фотием и текстами С1–Н4–НК — это обнаружить определенный интерес в этих текстах к жизни и деятельности самого заказчика. С этой целью попробуем проанализировать все факты упоминания митрополита Фотия сначала в этих летописных текстах (до конца общего текста, т. е. до статьи 6926 (1418) г.), а затем в

³⁹ Бобров А. Г. Новгородские летописи XV века. С. 158.

⁴⁰ Нельзя исключать, что это ошибочное известие (см: Кучкин В. А. Сергей Радонежский // Вопросы истории. 1992. № 10. С. 91).

летописях XV — начала XVI в.⁴¹ в случае, если информации в них больше, чем в С1—Н4—НК. Критерием отбора известий будет определенный интерес к предполагаемому заказчику свода Фотию или даже просто его упоминание. Если несколько летописей содержат сходные известия, то их названия помещаются в скобках вслед за цитируемым текстом.

1. Приезд Фотия на Русь. В С1—Н4—НК1 это событие отнесено к 6918 г.

В С1 (цит. по Старшей редакции (далее — С1Ст.); в С1 Младшей редакции (далее — С1Мл.) текст несущественно стилистически отредактирован): «Прииде изъ Ц(а)ряграда на Москву родомъ гречинъ, поставленъ патриархомъ Матфѣемъ при ц(а)рѣ Мануилѣ митрополитъ Фотѣи, и великий же кн(я)зь Василии Дмитриевичъ приять его в великую любовь, быв же жития его въ с(вя)тительствѣ лѣт 22 лѣт» (Стб. 532). В Н4—НК содержится почти идентичный текст (цит. по НК1): «Приеха изъ Царяграда Фотии митрополит в Русь, родом бѣ грекъ, поставлен патриархомъ Матфеомъ при царѣ Мануилѣ» (С. 94). При этом только в НК1 далее помещена грамота царя Мануила и патриарха Матфея в Новгород, а следом за ней — послание митрополита Фотия в Новгород. Учитывая, что ни в Н4, ни в С1 этих посланий нет, можно предположить, что это добавление только в тексте НК1. Вероятно, все тексты восходят к летописи типа Н1Мл.: «Прииха изо Цесаряграда в Русь митрополитъ Фотѣи, поставленъ патриархомъ Матфѣемъ, при цесарѣ Мануилѣ» (С. 401). При этом тексты С1Ст. и С1Мл. содержат дополнения этикетных формул с указанием имени и титула Василия I, что логично ожидать от промосковской летописи, а также указание на срок пребывания на кафедре митрополита Фотия. Вместе с тем летописи новгородско-софийской группы не содержат подробностей приезда Фотия, отразившихся в других летописях. Например, что митрополит прибыл в Москву на Пасху 22 апреля (МАк., Тип., МС, Ерм.). В Тв. сб. есть дополнительная информация: «Прииде изъ Царяграда на Русь пресвященный Фотѣи митрополитъ, на свою митрополию въ Киевъ; и потомъ прииде на Москву, месяца марта 23 день, на Великъ день, и пръвую службу служилъ на Москвѣ въ святѣи Богородици въ Великъ день» (Стб. 485). Во Влад. приводится несколько иная информация: «Прииде изо Царягорода Фотии митрополитъ на Москву на Рускую митрополию, и князь великий Василии Дмитръевичъ приять его с честью, а поставлен бысть патриархомъ Матфиемъ при цари Мануилѣ, а приде на Великъ день мѣсяца апреля 29 день, а поставления его епископовъ: Новугороду епископа Семиона, Ростову епископа Деонисия, на Коломну епископа Амбросиа, Родеству архиепископа Ефрѣма» (С. 130—131).

2. Поездка новгородского архиепископа Иоанна к Фотию в Москву 6920 г.

В С1 этого сообщения нет. В Н4—НК сообщения очень близки (цит. по НК2): «Езди владыка Иван к Москве к митрополиту Фотию, и тамо преставися Акимъ дьякон, и положен бысть в монастырѣ у святого Иоана Златоустаго» (С. 174). В Н4 есть дата преставления Акима — 9 марта. В Н1Мл. это известие отнесено к 6919 г.: «Сеи зимы ѣзди владыка Иоан на Москву к митрополиту Фотѣю» (С. 403).

3. Неудачная поездка Фотия в Литву в 6922 г.

В С1 это сообщение отсутствует. В Н4—НК2 содержится следующий текст (цит. по НК2): «Поеха Фотии митрополит в Литву, и Витовтъ его ограби» (С. 174). Очевидно, это сообщение

⁴¹ Здесь и далее во всем тексте статьи приняты сокращения и отсылки в круглых скобках по следующим изданиям летописных источников: Н1Мл. (Новгородская 1 летопись Младшего извода) — ПСРЛ. М., 2000. Т. 3; Н4 — ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. I; С1Ст. (Софийская 1 летопись Старшей редакции) — ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. I; С2 (Софийская 2 летопись) — ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2; НК1 и НК2 — ПСРЛ. М., 2002. Т. 42; Влад. (Владимирский летописец) — ПСРЛ. М., 1965. Т. 30; Б1Супр., Б1Никиф., Б1Слудк. и Б1Акад. (Супрасльский, Никифоровский, Слудкий и Академический списки Белорусской 1 летописи) — ПСРЛ. М., 1980. Т. 35; Ерм. — ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23; МС — ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25; Тв. сб. — ПСРЛ. СПб., 1863. Т. 15; МАк (Московско-Академический список) — ПСРЛ. Л., 1928. Т. 1. Вып. 3; Тип. (Типографская летопись) — ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24; Льв. — ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20; Сим. (Симеоновская летопись) — ПСРЛ. СПб., 1913. Т. 18; Рог. (Рогожский летописец) — ПСРЛ. Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.

восходит к летописному тексту типа Н1Мл.: «Поиха Фотѣи митрополит в Литву, и Витовтъ его ограби» (С. 404). При этом в центральнорусских летописях сообщение более пространное (цит. по Сим.): «Фотѣи митрополитъ възхотѣ итти къ Царюграду и яко доиде до Литвы, Витовтъ же не пусти его, но пограбивъ его възврати къ Москвѣ» (С. 161) (С2, Льв.).

4. Поездка новгородского владыки Самсона к Фотию на поставление в 6923 г.

В С1 (цит. по С1Ст., в С1Мл. этого известия нет): «Тое зимы поѣха Самсон на Москву к митрополиту Фотию въ вл(а)д(ы)кы ставитися» (Стб. 536). В Н4 и НК2 почти идентичный текст (цит. по НК2): «Тое же зимы поеха Самсон ставитися владыкою к митрополиту на Москву» (С. 174). И здесь текст сближается с Н1Мл.: «Тои зимы февраля въ 23, в недѣлю мясопустную, прииха Самсонъ к митрополиту ставитя владыкою, а с ним послы новгородчкыи: Василии Обакунович, тысячкыи Василии Есифович, тысячкыи Олександръ Игнатъевич, и приихаша на Москву» (С. 406). При этом летописи новгородско-софийской группы не только содержат дополнительной информации о Фотии, но и даже сокращают текст типа Н1Мл.

5. Поставление Самсона Фотием в 6924 г.

В С1 (цит. по С1Ст., в С1Мл. известие сокращено): «А в отъ д(е)нь Фотѣи митрополитъ Самсона дьякономъ постави, а в суб(боту) 3-ю поста поставленъ быст(ь) Самсон попомъ, а в нед(е)лю сред(о)кр(е)стную, 22 д(е)нь, на память(ь) с(вя)т(о)го отца Василия, поставленъ быст(ь) архиеп(и)с(ко)помъ Новугороду в ц(е)ркви с(вя)т(о)го Архаагг(е)ла Михаила и нареченъ быст(ь) от митрополита Семеонъмъ. А на поставленьи были с митрополитом 5 вл(а)дыкъ» (далее перечисляются их имена) (Стб. 536–537). Очень сходный текст содержится в Н4, в НК2 рассказ несколько сокращен. Это известие в Новгородско-Софийском своде также, очевидно, заимствовано из летописи типа Н1Мл.: «А в тои день Фотѣи митрополит постави Самсона диакономъ, а в субботу 3-ю поста, 21, попомъ сверши; а в недѣлю средокрестную, въ 22, на память святого отца Василья, поставленъ бысть архиепископом великому Новуграду въ церкви архистратига Михаила, и нареченъ бысть от митрополита Семеономъ; а на поставлении были с митрополитом владык 5» (далее перечисляются их имена) (С. 406).

6. Упоминание грамоты митрополита Фотия против Григория Цамблака под 6925 г.

В С1 (цит. по С1Ст., в С1Мл. идентично): «О том же Григоръи Ламблацѣ реч(е) Фотѣи митрополит русскыи, писа о немъ, яко...» (далее текст грамоты) (Стб. 538). В Н4 и НК содержится фактически идентичный фрагмент. Источник этого фрагмента не ясен, однако вполне возможно, что текст происходит из того же архива, что и послание Фотия в Новгород под 6918 г. в НК1 (см. выше).

Между тем большой пласт информации о Фотии не отыскивается в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду за 6919–6926 г. (С1–Н4–НК), зато присутствует в других летописных текстах.

6919 г. Приезд и поставление Фотием в Твери епископа Антония (Рог., Сим.).

6926 г. Поставление Фотием ярославского епископа Дионисия (С2, Льв.).

Особая речь о так называемой Белорусской 1 летописи (далее – Б1), в списках которой целой чередой идут отсутствующие в общерусском летописании известия.

6918 г. Б1Никиф.: «Прииде из Царяграда Фотеи митрополит, поставлен на Киев и на всю Рускую землю, родом грѣчинъ. Поставлен патриархом Матфеемъ при цари Мануилѣ, и прииде на Москву при великом князи Василии Дмитриевичи на Велик день... На ту зиму месяца генваря поеха Фотеи митрополит на Тферь и тамо постави владыку Антония, игумена ильиньского. А быша в жеребьи Парфении, федоровьскыи игумен, Антонеи, игумен ильиньскыи, москвитин. И служил владыка Митрофан суздальскыи по митрополичю слову и благословиению в соборной церкви в святом Спасе. И отслужив обѣдню, такы в ризах взял один жребии и принесл к митрополиту

и ту сущу князю великому Иоану Михайловичю и всем князем и бояром, и распѣчаташа жрѣбии, и обрѣтеша жрѣбии Антоньев; не хотѣвшим тѣричом поставлен бысть епископом» (С. 32) (Б1Супр.).

Б1Супр.: «Того жь лѣта постави Фотеи митрополить епископа на Резань Сергия Озакова и потомъ с мѣсяць постави епископа на Коломну, игумена ярославского» (С. 54).

6919 г. Б1Никиф.: «Того же лѣта поеха Фотѣ митрополит в Литву и тамо на Киевѣ постави Савостьяна владыкоу к Смоленську» (С. 33) (Б1Супр.).

6920 г. Б1Никиф.: «Мѣсяца сентебря 8 в Луцку в Великом постави епископа Турову Еуфимия. От Галича поиде к Москвѣ месяца августа 1» (С. 33) (Б1Супр.).

6922 г. Б1Никиф.: «На ту зиму поставлен бысть Амбросии епископом на Коломну» (С. 33).

6923 г. Б1Никиф.: «Тое же зимы ездил митрополит в Литву, в Смоленьскѣ остави свою казну, а сам ездил в Городен к великому князю Витовту, и не прия его князь великы Витовт. Тогда было Благовѣщение в понеделник на страстной недели; а на заутрее поеха митрополит Фотеи на Москву, а в Смоленську был митрополиту Велик день, и приеха на Москву на святой недели» (С. 33) (Б1Супр.).

6924 г. Б1Никиф.: «Тое же зимы поеха Самсон на Москву к митрополиту Фотею в владыкы ставитися...» (далее о чуде и поставлении Самсона) (С. 33) (Б1Супр., Б1Академ.).

6928 г. Б1Супр.: «Поеха митрополить Фотеи в Литву месяца июня 1, а с нимъ владыка Амбросеи и наехалъ великого князя Витовѣта в Новегородце. Тогда был посол царев Филантропонъ гречинь. Того жь лѣта поиде митрополить ко Киеву, и в Слуцку, крестил князя Семен Александровичъ, и во Мозири вернул митрополита князь велико. Того жь лѣта бысть митрополить в Галичи» (С. 56) (Б1Слуцк.).

6929 г. Б1Никиф.: «И в во Лвовѣ, и в Володимери, и приехал в вторник в канун Рожеству Христову, а в Вилнѣ был о Крещении. И оттолѣ поехал к Борисову и к Дрюцку, и к Тетерину, и во Мьстислави был у князя Семена Лыгвеня, и в Смоленьске был, съборовал при князи Семене Ивановичи, и приеха на Москву и тамо жили и до Рожества Христова. А митрополит еха в свое село Бисеровьское, и оттолѣ поеха в Володимерь, и тамо им бысть и Велик день, а на Москву приеха по Троицинѣ дни. Того же лѣта паки поеха митрополит в Володимерь и на праздник в год божественныя литургия. Бысть переполох татарьскыи, с великою нуждею едва съврѣшиша божественую литургию» (С. 33) (Б1Супр. под 6934 г.).

6933 г. Б1Супр.: «Поставленъ бысть епископомъ Новугороду Евфимеи месяца октября... Того жь лета ѣздилъ митрополить на Кострому и в Галичь ко князю Юрью, и паки на Кострому и во Володимер к празнику, а из Володимера на Моськву» (С. 56).

6934 г. Б1Супр.: «Бысть мор на Тѣри и на Москве, и посылаь митрополить архимандрита Иону и со иконою Пречистою на Тѣфер Петровою... А митрополить ѣха во свое село Бисеровьское, и оттоле поѣха во Володимерь, и тамо имъ былъ Велик день, а на Москву приѣхали по Троицинѣ дни. Того жь лѣта паки поѣха митрополит во Волидемери и тамо имъ былъ Велик день и на праздник в город божественныя служьбы. И бысть переполохъ татарьскыи, с великою нужею едва свершися божествену литургиию» (С. 56).

6935 г. Б1Никиф.: «А по Въздвижении поехал митрополит на Москву и был у великого князя, обѣдал в Курчевьском, и оттолѣ к Ильинскому... и князь великыи ту не обѣдал в Красном селѣ, обѣдал вы Ильиньском с митрополитом, и оттолѣ поехал митрополит на Москву... Тое же осени был митрополит на Брашовѣ и на Коломнѣ, а по Рожествѣ Христовѣ ездил в Литву, и съездил в 7 недель в Литву и из Литвы» (С. 33) (Б1Супр.).

Уже Я. С. Лурье отметил, что «связь с Фотием обнаруживается не в Новгородско-Софийском своде, а в тех фрагментах общерусского летописания, которые содержатся в Б1

летописи наряду с отрывками из Н4 и С1»⁴². И действительно, списки Б1 дают информацию, которую не знают центральнорусские источники. Однако летописные известия, отразившиеся в Б1, напоминают не какую-то официальную митрополичью летопись, а достаточно краткие путевые заметки, имеющие бытового характер, сделанные кем-то из окружения Фотия и не рассчитанные на широкую аудиторию. Здесь часто митрополит упомянут без всяких титулов, что может указывать на частный характер этих записей. Почему эти записи отразились в западнорусской летописи, протограф которой составлен, вероятно, в Смоленске, сказать трудно. Однако обращает на себя внимание то, что, во-первых, записи явно не западнорусского происхождения и связаны не только с посещением Фотием литовских земель, а описывают деятельность митрополита в целом, как в Литве, так и в Северо-Восточной Руси, во-вторых, записи обрываются на 6935 (1427) г., т. е. до смерти Фотия. При этом списки Б1 вообще не знают даты смерти митрополита. Возможно, это был некий краткий летописчик, эпохи митрополита Фотия, оставленный почему-то в Литве или скопированный во время последнего посещения митрополитом Витовта в 6938 (1430) г. Однако совершенно очевидно, что это была не официальная летопись и тем более не грандиозный Фотиев Полихрон 1418 г., поскольку у приведенных выше известий из Б1 с летописями новгородско-софийской группы практически нет перекличек. Таким образом, с одной стороны, почти все известия о Фотии в С1–Н4–НК имеют новгородское происхождение и отыскиваются в Н1Мл., а с другой — значительная часть информации о деятельности митрополита, имеющаяся в других летописях XV — начала XVI в., не отразилась в текстах, восходящих к Новгородско-Софийскому своду. Безусловно, если бы этот свод был митрополичьим, то к деятельности митрополита Фотия за 1410–1418 г. был бы проявлен больший интерес, однако этого как раз мы и не наблюдаем. Обратим также внимание на то, что сообщения о Фотии в С1–Н4–НК не обнаруживают текстуальных совпадений с Тв. сб., где митрополит упоминается вообще только в связи с приездом на Русь. В этом случае совершенно очевидно, что в основе С1–Н4–НК явно не лежит источник, в котором был бы проявлен интерес к московскому митрополиту. Это подтверждает наш вывод, что ни летописи новгородско-софийского круга, ни Тв. сб. не годятся для реконструкции митрополичьего летописания времени Фотия. Представление о составе Владимирского Полихрона, которое сложилось у А. А. Шахматова первоначально, не является верным. Современная историография убрала почти все «подпорки», на которых базировалось представление А. А. Шахматова о митрополичьем Полихроне. Взаимоотношения летописных текстов XV–XVI в. вполне могут быть объяснены без привлечения гипотетического Полихрона. Большинство источников, по которым исследователь реконструировал Владимирский Полихрон, впоследствии нашли свое место в общей схеме общерусского летописания, минуя этот гипотетический текст. Упоминание Владимирского Полихрона в Тв. сб. не может свидетельствовать как по контексту упоминания, так и по тексту летописи, что это был свод, имеющий отношение к митрополиту Фотию. Наконец, существование некоего большого владычного свода, связанного с митрополитом Фотием, также не подтверждается при анализе летописных источников новгородско-софийской группы. Если существование Фотиева Полихрона действительно может быть поставлено под сомнение, то для автора этих строк совершенно очевидно, что у С1–Н4–НК не мог не быть общий протограф (т. е. Новгородско-Софийский свод). При этом составление данного протографа явно не связано с митрополичьим летописанием.

Для ответа на вопрос о том, где мог быть создан Новгородско-Софийский свод, отметим несколько его особенностей. Судя по тексту С1–Н4–НК, их протограф должен был быть составлен в крупном книгописном центре. Составитель этого свода располагал большим количеством летописных текстов разной направленности, происходящих, вероятно, из нескольких княжеств.

⁴² Лурье Я. С. Две истории Руси XV века. С. 115.

Вместе с тем это явно не Троицкий монастырь и не окружение митрополита Фотия. В своде использованы несколько центральнорусских источников, главный из которых был близок к Тр. Скорее всего, это был не сам Троицкий список, который держал в руках Н. М. Карамзин, а его протограф, доводящий свое изложение до событий 1408 г. Однако все-таки центрообразующим источником был текст, близкий к Н1Мл. Особенно это проявилось в концовке свода, когда после 1408 г. у составителя (или составителей) было не много общерусских известий и пришлось использовать в основном только летопись типа Н1Мл. Все это может указывать только на один мощнейший книгописный центр — Новгород. Новгород в силу своего политического устройства мог как бы стоять над схваткой и относительно объективно оценивать деятельность русских князей. Поэтому появление в летописном тексте, с одной стороны, повести о Михаиле Тверском, где недвусмысленно осуждалась деятельность московского князя Юрия Даниловича, а с другой — панегирика Дмитрию Донскому вполне отражает независимую позицию Новгорода. Если рассматривать создание свода изолированно, то могут возникнуть сомнения в возможности появления столь масштабного сочинения в Новгороде. Однако в последнее время появляется все больше фактов о систематической работе по созданию и переписыванию летописно-хронографических сочинений, ведущихся по заказу Новгородского архиепископа Евфимия II. Помимо широкой строительной деятельности Евфимий II, очевидно, поощрял и составление масштабных исторических сводов. Очень вероятно, что именно при нем были созданы Краткая Хронографическая Палея, самый ранний список которой переписан тем же почерком и на той же бумаге, что и Комиссионный список Н1Мл. — в первой половине 40-х годов XV в.⁴³ Вероятно, именно при Евфимии II создается и другой грандиозный хронографический текст — Еллинский летописец второго вида. В этом хронографическом сочинении был использован новгородский источник, очень близкий к другому списку Н1Мл. — Академическому⁴⁴. При этом, судя по сходной методике составления текстов Новгородско-Софийского свода и Еллинского летописца, можно предполагать, что они составлялись одним автором или группой авторов⁴⁵. В свою очередь, Новгородско-Софийский свод и Н1Мл. также оказываются между собой тесно связанными. При этом текст типа Н1Мл. использовался составителями свода не только в новгородских известиях, но и даже в общерусских, например, при описании Куликовской битвы⁴⁶. К этому надо добавить, что самый ранний список группы А 2-й редакции Хроники Георгия Амартола, на которой базируется текст Еллинского летописца, также новгородского происхождения и датируется 1453 г. При этом, как установила Т. В. Анисимова, к Хронике Георгия Амартола проявлял интерес ближайший приближенный Евфимия II казначей новгородского архиепископа старец Феодор⁴⁷. Таким образом, Новгородско-Софийский свод является не уникальным произведением, а всего лишь элементом в грандиозной работе по созданию и копированию летописно-хронографических памятников, ведущейся при Евфимии II. Скорее всего, Новгородско-Софийский свод создавался в конце 30-х годов XV в., когда в Новгороде был выдающийся книжник и агиограф Пахомий Логофет. Четвертая редакция его Жития Сергия явно испытала влияние Новгородско-Софийского свода⁴⁸. В связи с этим

⁴³ Шибает М. А. Кодикологическое описание петербургских списков Краткой Хронографической Палеи // ТОДРА. СПб., 2004. Т. 56. С. 146–163.

⁴⁴ Шибает М. А. Летописные источники Еллинского летописца второго вида // Рукописная книга Древней Руси и славянских стран: от кодикологии к текстологии. СПб., 2004. С. 187–204.

⁴⁵ Там же. С. 197.

⁴⁶ Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 23–27.

⁴⁷ Анисимова Т. В. О трех малоизвестных списках хроники Георгия Амартола из собрания Е. Е. Егорова (XV–XVI вв.) // Опыт по источниковедению. Древнерусская книжность: археография, палеография, кодикология. СПб., 1999. С. 26–42.

⁴⁸ Шибает М. А. Житие Сергия Радонежского и Новгородско-Софийский свод // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2006. № 1 (23). С. 53–58.

не исключено участие в составлении свода и самого сербского книжника. Этим, возможно, и определяется включение многих житийных повестей в текст Новгородско-Софийского свода, что также объясняет и стилистическую близость некоторых фрагментов Новгородско-Софийского свода и произведений Епифания Премудрого, к переработке и редактированию которых был как раз причастен сербский книжник.

Итак, все вышесказанное позволяет нам определить, что Владимирский (или Фотиев) Полихрон – явно гипотетическое построение А. А. Шахматова, которое необходимо исключить из схемы русского летописания. Вместе с тем Новгородско-Софийский свод – эта первая попытка создать синтетический текст, объединивший почти все доступные на тот момент летописные источники. При этом свод не имел отношения к митрополиту Фотию и его канцелярии, а составлен, скорее всего, в Новгороде в окружении архиепископа Евфимия II. Попытки составить сводный летописный текст с максимально широким использованием разных источников затем предпринимались неоднократно летописцами XV–XVI в., и естественным завершением этого процесса было создание почти через полтора столетия Лицевого Летописного свода.